

Вы, уважаемый, слышали историю про деву Сусанну? Слышали? Так её звали вовсе не Сусанна, а Анна. Это по паспорту, а по жизни её сроду кликали Нюркой. Я это точно знаю по тому, что проживала она дама в нашем городе, Рязани, и работала в цирке шапито. Ни каких особых фокусов она не умела производить, а вот природа над ней фокус произвела. Как только Нюрка в лета вошла, выросли у неё пышные гусарские усы, и ни чем она их вывести не могла. На улицу выйти нельзя — ребятишки табуном в след ходят, взрослое население пальцем показывает. Уж она свои усищи и пинцетом пропалывала, и огнём их подсмаливала, и пестицидами посыпала — не помогло. Погоревала девка, погоревала, но скоро утешилась, а потом и выгоду в том свою нашла. Стала Нюрка по вечерам в цирке на арену выходить, людей своим видом удивлять, рожу

продавать. Установили таксу — рубль за круг по арене. Так она кругов рублей на двадцать пять нарезала, пока её за кулисы за подол сарафана не утянут. Перед цирком большую афишу повесили для завлечения праздного населения. На афише аршинные буквы наклеили: «С УСАМИ АННА». Да как то ненадёжно прилепили, что три буквы, в середке, отпали и их собаки утащили. Народ, который грамотный, читает оставшиеся буквы, получается «СУСАННА». Реставрировать афишу было некому. Местный художник получивший деньги за работу, загулял на радостях. Так и прилипло к Нюрке прозвище — Сусанна.

Накалымила девка себе в цирке богатое приданное, а женихов нет и не предвидится. Парни Нюрку за версту обходят, а ей уж очень ребячёночка хотелось.

Как-то в субботу группа старичков-

пенсионеров из панельных хрущёб, культурненько коротая время за домино, вдруг заспорили на научную тему и даже поставили на кон банку пива. Один шустрый ветеран труда загнул гипотезу, что будто бы Сусанна не девка с усами, а мужик с женской грудью. Чтобы задачку разрешить, послали к Сусанне делегата, Петровича. Он мужик представительный, плечистый да речистый, бывший грузчик, завсегда в пинджаке ходит и значок носит «Кому нести чего куда». Только в цирк Петрович не пошёл, не стал стахановскую пенсию ударным трудом заработанную на баловство тратить, а решил для надёжности выяснения научной истины подглядеть за Сусанной бане.

Что там в бане произошло, историки и прочие умные люди травмированные образованием даже не догадываются и Петрович то же всё отрицает, но мы-то с вами знаем наверняка, потому что через девять месяцев родился у Сусанны сын. Бабка-повитуха, которая роды принимала, до сих пор заикается. Сильно напугалась старуха, когда усатую мордашку ребёнка увидела. Назвали мальчонку обыкновенно — Ваней, а фамилию дали безотцовщине по матери — Сусанин. Вырос Ванюша без излишней родительской опеки на редкость самостоятельный. Если кто-то начинает донимать советами, он ему: «Мы сами с усами!» Такой у них с матерью семейный девиз был.

Случилась как-то в городе Рязани война. Только громко не смейтесь, уважаемый, рязанцы тогда с поляками воевали. И давно уж оккупанты решили домой возвратиться, да пути обратного найти не могли. В наших краях и сейчас дороги убоги, а в ту пору их вовсе не было. Кого ни попросят проводить до Польши, все отказываются, всем не досуг, у кого пирушка, а у кого постирушка. Не хотят рязанцы помогать полякам, а и воевать с ними тоже не желают, потому на баталии расходы большие. Рассудили так, что зима наступит, оккупанты сами вымерзнут, как тараканы. Поняли басурмане, что попали в переплёт, но тут им на глаза

попался страннообразный мальчонка Ваня Сусанин. Они к нему: «Мил человек! Мы группа заблудившихся туристов из братской страны, имей сострадание, наградим заранее, не до Польши, так хоть до Москвы проводи, а там мы вечерним дирижаблем прямиком домой». Ванюша хоть усат, а простой и наивный, как рабочая газета «Гудок», поверил хитрым речам и подрядился в поводыри, хотя сам дальше огородов сроду не хаживал.

В субботу, сразу после бани, повёл Ванюша новых знакомцев в поход на Москву. День идут. Два идут. На третий день поляки стали интересоваться: «А туда ли идём, товарищ? Может правее взять»? А Ваня им по обыкновению отвечает: «Мы и сами с усами». Пешим ходом идут дальше. Ванюша впереди уверенно шагает, даже не оборачивается. Оголодали поляки, взмолились: «Мил человек, дай передохнуть, четвёртый день без горячего». А Ваня им: «Не надо нас учить, что да как делать. Мы сами с усами. Скоро до места дойдём, там и передохнём». Действительно скоро, не прошло и недели, показался впереди, прямо по курсу, город на Рязань очень похожий. Подошёл Иван ближе, присмотрелся, всё ему знакомым показалось. А когда увидел знакомую козу с тёмным пятном на боку, обломанным правым рогом и наглыми глазами, понял, что обратно вернулся. Такой конфуз перед иностранными гражданами вышел. Оглянулся Ванюша, а нет никого. Поослабли да поотстали по бездорожью туристы липовые.

В расстроенных чувствах достоинства пошёл Ваня домой. Сразу, даже не перекусив с дороги, сел писать заявление в милицию о пропаже иностранцев. Сам в отделение не пошёл, а протянул матери исписанные листки, да буркнул через губу: «Вот! Накатал оперу». Ванюша имел в виду, что сознанку написал оперуполномоченному, а мамаша решила, сынок для местного театра оперу придумал.

В цирке, где Нюрка рожу свою продавала, играл на вечерках хороший

гармонист Михаило Глинка, мужик талантливый, хоть и пьющий. Сунула Нюрка гармонисту листочки с Ванькиными каракулями и пол-литра посулила, коли музыку на эти слова напишет. Люди говорят, Михаило добросовестно отработал пол-литра и

музыку написал говорят хорошую. А ещё говорят, что поставили ту оперу в клубе силами местной художественной самонадеянности. Если это так, то могу поспорить, что послали гонца ещё за одной бутылкой, а то и двумя, дело ведь серьёзное.